

ИСТОРИЯ НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Jean-Paul Roux

HISTOIRE DE L'IRAN
ET DE; IRANIENS

DES ORIGINES A NOS JOURS
PARIS: FAYARD

Жан-Поль Ру

ИСТОРИЯ
ИРАНА И ИРАНЦЕВ
ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Издательство АСТ
Москва 2026

УДК 94(55)
ББК 63.3(5Ирн)
Р82

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

HISTOIRE DE L'IRAN ET DES IRANIENS: DES ORIGINES A NOS JOURS
by Jean-Paul Roux
© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2006

*Перевод с английского Некрасов М. Ю.
Художественное оформление Планкин Ю.Г.
Научный редактор Юрченко А.Г.
Подготовка указателей Чебыкина М.В.*

Ру, Жан-Поль.
Р82 История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней / Жан-Поль Ру; Пер. с франц. Некрасов М. Ю. – Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2026. — 464. — (История народов и цивилизаций)
ISBN 978-5-17-181210-2

Иран — страна, где тысячелетняя история ощущается почти на каждом шагу. От империи Ахеменидов до исламской революции XX века — известный французский историк и востоковед Жан-Поль Ру прослеживает путь Ирана через эпохи расцвета, войн, завоеваний и культурных открытий.

«История Ирана и иранцев» — не просто хроника событий, а живое и увлекательное повествование, в котором политическая история переплетается с религией, искусством и повседневной жизнью.

Это книга о цивилизации с удивительно богатым прошлым и о том, как это прошлое продолжает определять Иран и современный Восток.

**УДК 94(55)
ББК 63.3(5Ирн)**

© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2006
© Некрасов М. Ю., перевод с франц., 2011
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026
ISBN 978-5-17-181210-2

*Моему верному другу Анри Маршалю
в память о многом, особенно о часах,
проведенных вместе в Иране и Афганистане,
и, конечно, о тех, когда он довез меня,
больного, из Тебриза в Тегеран...*

Содержание

Вступление	12
Глава I. ИРАНЦЫ И ИРАН.	19
Раса?	21
Психология?	22
Современный иранский мир	29
Историческая экспансия	30
Земли Ирана	34
Реки и ирригация	38
Великий Хорасанский путь	39
Глава II. ГЕНЕЗИС СЕДЬМОГО ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ.	42
Державы VII в. до н.э.	42
Киммерийские вторжения	46
Скифские вторжения.	48
Мидийцы	52
Основание Мидийской империи	55
Глава III. СКИФЫ	60
Портреты	62
Амазонки	64
Нравы и обычаи	66
Религия	68
Погребение	70
Курганы	71
Искусство степей	73
Глава IV. АХЕМЕНИДЫ	78
Основание империи	79
Камбис	82
Дарий Великий	83

Персидские войны	86
Последние великие цари	89
Конфедерация народов	91
Военные силы.	96
Искусство Ахеменидов.	98
Религия	100

Глава V. МАЗДЕИЗМ. 102

Тексты	102
Заратуштра	103
Сотворение	107
Дуализм	109
Монотеизм и политеизм	110
Зерванизм	111
Ардвисура Анахита.	112
Митра	112
Эсхатология	114
Культ	117
Распространение влияния маздеизма	120

ГЛАВА VI. АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

И ГРЕЧЕСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ. 125

Филипп Македонский	125
Великая война	127
Поход в Малую Азию	128
Завоевание Финикии и Египта.	130
Наследник Ахеменидов	131
В восточном Иране и в Индии	133
Наследие.	134
Селевкиды	138
Селевк Никатор.	139
Отступление и крах	141
Греко-Бактрийское царство.	144

ГЛАВА VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ	148
Сарматы и аланы.	148
Парфяне	151
Войны парфян	154
Парфянская цивилизация	157
Хунну и юэчжи	160
Саки	162
Кушаны	163
 ГЛАВА VIII. САСАНИДЫ	 168
Воцарение Сасанидов	168
Манихейство	170
Появление эфталитов	173
Маздакизм.	174
Хосров I и появление тюрков.	176
Самоубийственная война	177
Государство и общество	179
Религии в сасанидской империи.	183
Сасанидское искусство	188
Распространение влияния Сасанидов	190
 ГЛАВА IX. ВОСТОЧНЫЙ ИРАНСКИЙ МИР	 192
Неизвестные земли. Недооцененные земли	192
Счастливые народы	194
Воины	195
Богатые страны.	197
Вездесущие согдийцы	198
Города	199
Китайское вторжение	201
Вторая китайская оккупация	204
Иранцы в Китае	205
Экспансия мировых религий	206
Искусство оазисов	209

**ГЛАВА X. ИРАН ПОД АРАБСКИМ
ВЛАДЫЧЕСТВОМ 213**

Арабское завоевание.	215
Омейяды.	216
Аббасидская революция.	218
Мятежный Иран	220
Аббасиды	223
Организация империи.	226
Шиизм	229
Научный подъем	230
Творения литературы	233
Суфизм.	234

ГЛАВА XI. ПРОБУЖДЕНИЕ ИРАНА 237

Аббасидский халифат	237
Иранские княжества. Тахириды, Саффариды, Буиды	241
Саманиды	243
Газневиды и Гуриды	248
Возврат к персидскому языку	251
Два великих ученых XI века	254
Мистика и образование	255
Высокие искусства	255
Достижения ремесла.	258

**ГЛАВА XII. ИРАН ПОД ТЮРКСКИМ
ВЛАДЫЧЕСТВОМ 261**

Сельджукская оккупация	261
Караханиды	264
Сирия.	265
Иранское царство в Египте: Саладин и Айюбиды	266

Конец Сельджукидов	267
Иран под сельджукским владычеством	270
Триумф суннизма	273
Мистика	276
Творчество в сельджукскую эпоху	279

ГЛАВА XIII. ОПУСТОШИТЕЛЬНЫЕ ВТОРЖЕНИЯ 286

Чингисхан	286
Завоевание Ирана	291
Ильханы	293
Беспрецедентное этническое смешение	295
Религиозная терпимость	299
Торжество ислама	302
Иран после ильханов	306
Чагатайское ханство	307
Тамерлан	308

ГЛАВА XIV. ТИМУРИДСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ. 312

В направлении нового мира	312
Наследование в роду Тимуридов	314
Туркмены, узбеки, афганцы	316
Тимуридское возрождение	318
Литература, науки и искусства	320
Победа узбеков	326
Рождение Сефевидов	328

ГЛАВА XV. ОТ СЕФЕВИДОВ ДО КАДЖАРОВ 331

Шиизм объединяет Иран	332
Сефевиды	334
Войны XVI века	335
Шах Аббас Великий	340
Исфахан	343
Афганское восстание и Надир-шах	346
Пришествие Каджаров и рождение Афганистана	348

ГЛАВА XVI. УПАДОК НОВОГО ВРЕМЕНИ.	351
Каджары	352
Бабизм и бахаизм	356
Конец Каджаров	359
Риза-шах Пахлави	360
Курды.	363
Афганистан	367
Великая катастрофа Афганистана	371
Таджикистан	372
На прощание	374
 Хронология	 378
Библиография	387
Глоссарий	414
Именной указатель	420
Географический указатель	450

Вступление

Читатель вправе задаться вопросом, почему человек, всю жизнь в науке посвятивший истории тюрков и монголов, сравнительной истории религий и исламскому искусству — а эти темы открывают обширные и, что очевидно, вполне разнообразные возможности для исследования, — на склоне лет пишет книгу об Иране.

Казалось бы, не мое это дело, это дело иранистов. Но ведь у нас такой метод работы, что почти каждый ученый посвящает себя строго определенному географическому пространству или исторической эпохе и часто не желает выходить за их пределы. Изучение Ахеменидов не способствует знакомству с Сефевидами или Каджарами, изучение маздеизма не делает тебя исламоведом. А когда перед иранистом оказываются греки, арабы или тюрко-монголы, он может и оробеть. При нежелании выйти за узкие пределы своей специализации никакого обзора не получится. Чтобы бодро, не скажу — бестревожно, пройти два с половиной тысячелетия и огромные пространства от Инда до Евфрата и от Сырдарьи до Персидского залива, нужно быть странником по образованию и, рискну сказать, по темпераменту. Оказывается, такой странник — это я: и по натуре, и потому, что к этому побуждает моя программа исследований. Такая задача, как изучение доисламской и добуддийской религии тюрков и монголов и ее пережитков, записанная в моей программе сотрудника Национального центра научных исследований (НЦНИ) Франции, вынудила меня заняться историей обоих народов не только в древние эпохи, но и во все времена вплоть до наших дней в поисках периодов, в которых сохранялось что-либо большее, чем основы древних представлений; она потребовала от меня знакомства с разными конфессиями, когда-либо воспринятыми этими народами, чтобы я мог понять, что они взяли из этих конфессий и что сохранили, несмотря на переход в другую веру. Оказалось, исламское искусство, которое волей судеб я несколько десятков лет изучал в Высшей школе Лувра, изобилует документами, непосредственно отно-

сящимися к моей теме, потому что некоторые его произведения как минимум отчасти связаны с искусством степей и отражают верования народов, которые там жили и которыми занимаюсь я.

В ходе этого поиска весьма разнообразных документов я очень часто соприкасался с Ираном, а он достаточно притягателен, чтобы я не испытал желания обнаружить его снова. Такова эпоха, когда его народы, индоевропейцы, еще жили в степях, куда вторгались и еще долго будут вторгаться алтайцы, то есть тюрки и монголы, когда иранские народы вели такой же кочевой образ жизни и когда одни и те же условия существования вызывали одну и ту же реакцию, наделяя все эти народы сходным культурным субстратом, от которого кое-что еще сохранилось. Деяния скифов — это и деяния гуннов, и некоторые из них пережили века: когда Жорж Дюмезиль нашел у осетин Кавказа скифские традиции, я отметил в этих традициях тюркские черты. Я обнаруживал Иран, когда речь заходила об иранском языке, вернее одной из его форм (поскольку этот язык не был единым ни во времени, ни в пространстве), который был в VI в. языком общения первых исторических тюрков Монголии, тугю, в XII–XIII вв. использовался сельджуками, в XV в. — Тимуридами, а позже служил для управления и для распространения культуры другим тюркам, а также индийцам. Я обнаруживал Иран в Библии и в своей христианской религии, которая столь многим ему обязана, поскольку божественное Откровение, после Ветхого Завета, происходило прежде всего через посредство маздеизма. Я вступал в Иран с сельджуками, ильханами, туркменами, Тимуридами, когда они его захватывали, и оставался там, чтобы общаться с тюркоязычным или монголоязычным населением иранских территорий. Я посещал Иран, чтобы полюбоваться его искусством, которое, как я уже сказал, иногда, особенно в иконографии, отражает доисламские представления, пришедшие из степей или унаследованные у великих восточных цивилизаций, а также сыграло важнейшую роль в формировании и развитии искусства других стран ислама. Я изучал не Иран, но соприкасался с ним на каждом шагу.

Поэтому я возвращаюсь туда, в некотором роде как паломник, — прежде всего, должен признать, ради самого себя, потому что всякий раз, когда я писал книгу или статью, которую называли «новаторской» и которая, надеюсь, была не поверхностной популяризацией, я это делал, чтобы зафиксировать собственные мысли, лучше понять что-то, дать себе отчет, достаточно ли связ-

ны мои представления и выдерживают ли они перенесение на бумагу; я возвращаюсь туда и ради читателей — о них я думаю постоянно, когда пишу, и только они способны дать мне понять, ясно ли я понял нечто, ведь «кто ясно мыслит, ясно излагает», как сказал Буало; я бы хотел иметь обширную аудиторию — не из авторского тщеславия, но потому, что тема, которую я разрабатываю, достойна внимания.

История Ирана тесно связана со всемирной историей. Знать ее необходимо любому историку, любому образованному человеку, где бы ни лежала сфера его интересов. Кто мог бы читать и понимать Библию, не зная о Вавилонском пленении и об освободительном указе Кира, «помазанника Яхве», по словам Второ-Исаии? Как можно изучать Грецию, игнорируя персидские войны, Геродота, рожденного иранским подданным, Александра и его завоевание мира? Кого мог бы оставить равнодушным приход магов¹, иранских царей-жрецов, к колыбели Христа? Кто посмел бы забыть, какое значение для Римской империи имела долгая борьба с парфянами и Сасанидами, которая вынуждала Рим перебрасывать легионы, ослабляя охрану границ на Рейне? Как бы мы воспринимали индийцев, если бы не знали, что индийский ислам, как минимум отчасти, возник под влиянием иранского? А разве куртуазная любовь нашего прекрасного Средневековья зародилась не в стране катаров, до которой докатился последний отзвук того, что происходило в долинах Месопотамии? Подобные вопросы можно множить до бесконечности.

Наука об Иране не заняла место, какое бы ей полагалось, и иранский мир мы знаем очень поверхностно. Как будто на него накинута большое покрывало, сквозь которое просвечивают лишь отдельные огни: Сузы, Персеполь, Самарканд, Герат, Исфахан, Шираз, миниатюры, стихи... Все эти светочи должны были бы сверкать, им бы полагалось быть такими же яркими, как несравненная синева иранского неба, как его обширные пустыни из золотого песка, его обнаженные горы, его теология света, своды его храмов, облицованные лазурными изразцами, его исфаханские розы, его поэты с их «неподражаемой простотой», по выражению моего друга Шарля-Анри де Фушекура. Иран по-прежнему затянут дымкой. Для нас он теряется между средиземноморским и ближ-

¹ В русской традиции — волхвов (*прим. пер.*).

невосточным мирами, в разнородном скоплении исламских стран, хоть и там проявляет свою сильную индивидуальность.

Так было не всегда. Когда-то Иран чрезвычайно интересовал французов. Так было, когда Монтескье задал свой знаменитый вопрос «Как можно быть персом?», когда дядя Жан-Жак Руссо поехал умирать в Исфахан, а наш философ хотел выглядеть персом, одевшись армянином, когда Жан-Батист Тавернье (1605–1689) и Жан Шарден (1643–1713) позже рассказывали о своих путешествиях, когда, изумляясь сам, изумлял нас Пьер Лоти и когда в том же XIX в. Эдвард Фитцджеральд открывал для нас стихи Омара Хайяма. Иран с давних пор проник в самые глубины нашей души, еще когда персидские ковры, одно из самых характерных его творений, лишали исключительного положения турецкие ковры, став важнейшим элементом нашего интерьера.

По стратегическому положению территория Ирана была транзитным путем, что неизбежно превращало страну в посредника, если не принимать во внимание морской путь между Индией и Китаем с одной стороны, Ближним Востоком и Европой — с другой. Что только не прошло через Иран за тысячелетия! По этим землям, распространяясь на восток, продвигался буддизм, как и платоновская философия, вскормившая Фараби и Авиценну, как и греческое искусство, ставшее греко-буддийским. Иран долго сохранял почти исключительные права на торговлю шелком; в Самарканде он длительное время сохранял монополию на производство бумаги, секрет которой похитили в Китае; он позаимствовал у индийцев и передал нам цифры, которые мы называем арабскими.

Собственные творения иранцев, удивительно мощные, прославились до самых пределов мира. Иран, если привести лишь один небольшой пример, создал образ владыки, сидящего на престоле, предвосхитив изображения Христа, украшающие тимпаны наших церквей. Иранская религиозная мысль, выраженная сначала в маздеизме, а потом в манихействе, привлекла к себе внимание в Китае и, в частности, в Европе, богомилов, альбигойцев или катаров. Святой Августин был манихеем, прежде чем стать христианином.

Иранцы вместе с греками, китайцами, индийцами и немногими другими народами — такими, как армянский, столь дорожающий своей историей, — относятся к древнейшим народам мира. Им около трех тысячелетий. Две с половиной тысячи лет